

Моя реальная жизнь

*Повести
для подростков*

Елена Усачева

СКАЗКА ДЛЯ АГАТЫ

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 74

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Иллюстрации *Эмили Ферез*

Усачева, Елена Александровна.

У 74

Сказка для Агаты : повесть / Елена Усачева. — Москва : Эксмо, 2014. — 240 с. — (Моя реальная жизнь. Повести для подростков).

ISBN 978-5-699-74781-8

Мама не знала, как и о чем говорить с Агатой. Ей казалось, она все делает неправильно и только мешает дочери. Ее маленькая девочка выросла – и вдруг стала вести себя как незнакомый, чужой человек. А вот Агата была уверена: мама хочет контролировать каждый ее шаг. И постоянно обманывает. Когда Агата была ребенком, то всегда верила взрослым. Но теперь – нет. Теперь она сама расскажет какую хочешь историю, да так, что любой ей поверит... С каждым днем отношения мамы и дочки становились все хуже. Но однажды привычный сценарий дал сбой, и Агата очутилась в совершенно новой для себя ситуации. Возможно, это поможет ей повзрослеть по-настоящему.

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-74781-8

© Усачева Е., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Сказка — ложь

У мамы было такое ощущение, что она Агате мешает. Входит не вовремя, спрашивает не о том. Раньше — о том, а теперь — нет. Что могло произойти?

— Агата! Ты меня слышишь?

Когда-то маме очень нравилось, что девочку зовут как драгоценный камешек. Девочке не нравилось, потому что везде приклеивалась кличка «девочка Ага». И что это за имя — Агата?

— Древнегреческое, — оправдывалась мама. — Переводится как «добрая», «хорошая».

— Ага, хорошая.

Кем ей меньше всего хотелось быть, так это хорошей.

— Ты была сегодня в школе?

— Была. Отстань!

Иногда по ночам мама плакала. Ей казалось, что все бесполезно, что Агата на всю жизнь останется колючим ежиком, что она всегда будет бояться своего имени. Бояться жить. Вот и сейчас она боится. Сидит дома, никуда не ходит. Это из-за него, из-за страха. Гонит маму — чтобы не показывать страха. И в школу поэтому не ходит.

— Да пошла ты! Ничего я не боюсь!

Мама села на кухне и смотрела в окно. Она не знала, что делать. Агате четырнадцать, и уже больше года она такая.

— Сводите к психологу, — советовала учительница.

— У вас школьный психолог уехал на пере-подготовку.

Мама подождала месяц, потом другой.

— Да здесь я, здесь, — устало ответила по телефону школьный психолог. — Приводите девочку. На какое время вас записать?

— После занятий дождись меня, — попросила мама торопливой скороговоркой, раз-

глаживая скатерть на столе. — Я приду к тебе в школу. Надо будет кое-куда сходить.

— Ага!

Мама отпрашивалась с работы, спешила, чтобы успеть к концу занятий. Семь уроков: надо быть в три.

— А ее сегодня не было. — У классной руководительницы Дарьи Викторовны разочарованное лицо: «Я же вам говорила». — И знаете, с девочкой надо что-то делать. Оставьте мне свой телефон, я вам позвоню. И мой запишите.

Мама комкала в кулаке листочек, проходила мимо кабинета психолога. Зачем ей специалист? Агаты нет. Конечно, мама сама виновата. Надо быть строже. Надо наказывать.

— Ты не была сегодня в школе! — кричала вечером мама.

— Чего это не была? — Агата смотрела на мать честными серыми глазами. Серая кофта под серые глаза — красиво. Удачно тогда в магазин сходили. — Это классная на меня гонит. Я хожу, а она врет, что нет.

— Директор тоже врет? — Очень хотелось ударить. Со всей руки. Чтобы в глазах исчезло презрение.

Но так делать нельзя. Потому что тогда Агата уйдет в комнату, захлопнет дверь.

И ничего, кроме гроыхающей музыки, слышно оттуда не будет.

— А директор-то откуда знает? Он к нам в класс не заходил. Кого угодно спроси — я там была!

— И даже Ваню?

— Ваньки самого сегодня не было.

Мама смотрит в окно, потому что на все остальное смотреть нет сил. По улице ходят люди. В шапках и без шапок. Парочками и по одному. Бегут собаки, летают голуби. На ветку села сойка. Пробежала белка — рядом парк. Жизнь. А в квартире как будто смерть. И ничего с этим не сделаешь.

Мама пыталась спорить, уговариваться, кричать, водила в поликлинику к невропатологу.

— Я в туалет на минутку. — Агата чмокнула маму в щеку и посмотрела прямо в глаза.

Сбивал прямой взгляд. С таким взглядом врать нельзя. Широкий зрачок. Мама читала: когда врут, смотрят вверх и влево, еще нервничают, теребят что-нибудь. А тут...

— Недолго. Скоро наша очередь.

Агата не вернулась.

Мама пыталась говорить с врачом, но он развел руками: «Приводите ребенка».

— Ты почему ушла?

— Ой, отстань! — Агата шла по коридору в свою комнату.

— Я тебя ждала. У тебя совесть есть? — заговорила проход мама.

— А у тебя совесть есть? — заорала в ответ Агата. — У меня живот болит! Я еле хожу.

От неожиданности мама отступила, пропускающая Агату: ведь если болит, надо выпить таблетку, вызвать врача. И с запозданием поняла: ничего не болит, просто не хотела идти, говорить.

— Могла бы сразу сказать, — через дверь крикнула мама. — Я бы с работы не отпрашивалась. Второй ведь раз!

— Я не слышу! — В комнате Агаты упал стул. Чего он все время падает? Соседка жаловалась: от этих падений у нее сыплется штукатурка с потолка. Тоже, наверное, врет.

Мама ушла к себе. Здесь было скучно и уныло. Коричневая стенка. За стеклянными дверцами — книги и сервиз. Книги никто не читает, сервиз последний раз доставали несколько лет назад. Агата приглашала одноклассников на день рождения. Ей исполнялось десять?

А может, одиннадцать? Больше из этих чашек никто не пил. В этих бокалах не пузырилось шампанское.

А почему нет? Как раньше!

Мама быстро оделась.

— Агата! Ты куда не пойдешь?

За дверью шебуршились, словно там ползал большой толстый неповоротливый жук.

— Нет, — ответили после длинной, очень длинной паузы.

— Давай чаю поьем, — предложила мама. — Я вернусь, и мы вместе, как раньше, выпьем чаю.

Она еще хотела обсудить с Агатой, какой торт купить, но решила, что лучше выберет сама.

— Давай, — отозвалась Агата.

Когда мама вернулась, из комнаты Агаты слышалась музыка. Маме она понравилась. Под эту музыку так приятно было доставать чашки, звенеть ложечками в блюдах, смотреть, как от горячей воды запотевают фарфоровые стенки заварочного чайника. Салфетки с оленями — с Нового года остались. Торт под прозрачной крышкой. А под ней замок. Суфле, орехи и хрупкая мечта с флажками.

— Агата! — постучала мама в дверь. — Гатушка, выходи! Давай чай пить. — Она прислушалась к музыке. Между композициями промелькнула секундная пауза, и та же самая музыка зазвучала снова. — Агаша! Я войду?

Она чуть толкнула дверь, но та не подда-лась.

— Агата! Я тебя жду!

Ей показалось, что ответили. «Ага» или «угу».

Мама вернулась на кухню, послушала, как сипит чайник, готовый принести радость, на-полнить людей теплом и счастьем.

Композиция закончилась и началась снова.

— Агата!

Стук как будто в пустоте отозвался. Мама надавила на дверь сильнее и, преодолевая со-противление чего-то мягкого, но упрямого, открыла.

В щели под дверью лежал серый свитер — это он мешал. Окно настезь. Музыкальный центр подмигивает огоньками. Можно было подумать, что Агата выпрыгнула со второ-го этажа и ушла в тапочках, но мама загля-нула в прихожую. Ботинок нет, куртки нет. Свисает шарф, на полу упавшая перчатка,

и где-то здесь должна быть шапка. Каждый раз Агата обещает все это надевать, но обманывает.

Обманывает.

Чайник на кухне зафырчал, зашумел, выключился. Мама плакала. Она лежала на кровати, и ей уже ничего не хотелось.

— Агата! Почему ты такая жестокая? Ты злая! Злая!

— Злая — зая, — повторила Агата и улыбнулась.

Чашки долго еще простояли на столе. Одна разбилась. А торт съела Агата. Пришла ночью и съела хрупкий замок мечты.

— Вы потеряете ребенка, — нажимала Дарья Викторовна. — Надо что-то делать.

Мама отворачивалась. Она не знала, что делать.

А учительница добивала:

— Если вы не справляетесь с ребенком, то для этого есть комиссия для несовершеннолетних.

— Какая же она несовершеннолетняя? Ей скоро пятнадцать!

— Тем более!

И все запутывалось окончательно.

— Знаете, у нас все хорошо, — поджимала губы мама. — Еда, одежда, Агата ни в чем не нуждается.

Дарья Викторовна молчит. Она не верит.

— Позвоните мне как-нибудь, — мягко советует она. — Когда совсем опустятся руки.

Но это не про маму. Она никогда не сдастся.

По коридору бежит Стрельцов.

— Ваня! Ваня! Подожди!

— Здравствуйте, Оксана Аркадьевна!

Ваня очень хороший мальчик. Правильный. Всегда говорит правду. Такими раньше были пионеры — честными-честными.

— Ваня, скажи, пожалуйста, Агата в школу ходит?

— Она разве не болеет?

— Почему болеет?

— Так Синявина сказала. Говорит, что они созваниваются. У Агаты грипп.

— И давно?

— А что — не грипп? Что-то серьезное?

— Как давно ее нет в школе?

— Две недели точно. Вы по журналу посмотрите.

Как она могла забыть? Электронный журнал. В телефоне Интернет — набирала, руки дрожали, буквы выпадали все не те.

Ровной строчкой напротив предметов стоят «н», «н», «н»... Но Агата каждое утро брала свой затертый, измызганный рюкзак и уходила. До вечера ее не было. Где она шляется? Неужели дурная компания?

Чтобы услышали, пришлось убавить звук музыкального центра до нуля.

— Э! Что такое? — крутанулась в кресле Агата, глянула на мать злыми глазницами.

— Уроки делать не собираешься?

— Я уже все сделала!

— Или ничего не задали?

— Задали! Вон, можешь дневник посмотреть!

Как будто все было подготовлено заранее — потрепанный дневник (два месяца, а уже потрепанный) бухнулся на стол. Рука дернулась, чтобы открыть, но остановилась.

— Я видела дневник, — с упором на последнее слово произнесла мама. — Электронный. Ты не ходишь в школу!

Агата смотрела перед собой. Лицо никакое — ни растерянности, ни удивления.

Застывшая маска, какой это лицо и было последнее время. Словно Агате было все равно, что вокруг происходит.

— Это... — Агата откинулась в кресле и закрыла глаза. — Ага... Сработало.

— Что сработало? — Мама стукнула пальцами по спинке, потому что терпеть не было уже никаких сил. Спинка качнулась, толкнула Агату в затылок.

— Емельянов, наш компьютерный гений, обещал, что взломает пароли электронного дневника и наставит мне двоек.

Голос монотонный. Агата качает головой из стороны в сторону на каждое слово. Длинная темная челка мотается в такт словам. Волосы сальные. Почему она их не моет?

— Там нет двоек!

— Пожалел, дурачок. — Агата улыбнулась, и лицо ее некрасиво сморщилось. Последнее время она стала так улыбаться — не губами, а глазами, щеками, лбом, даже уши начинали двигаться. Из нормальной девочки превращалась в уродца. Страшную карлицу. Так и перекосить может!

— И что теперь с этими «энками»? У тебя же прогулы стоят.

